

ИРИНА МОНАХОВА

“НЕПОДВИЖНО СТОЮ Я, А УЖЕ ГОЛОВУ ОСЕНИЛО ГРОЗНОЕ ОБЛАКО...”

О памятниках Н. В. Гоголю в Москве

Историческая память, обозначенная монументами на городских улицах, — вещь не застывшая, а по-своему живая. Памятники могут “стареть”, то есть становиться совершенно неинтересными и ненужными, могут и “молодеть”, то есть вдруг приобретать повышенную актуальность. Могут быть долгождан-ными или неизвестно зачем поставленными. Таким образом, память о вели-ких людях, воплотившаяся в монументах, живёт собственной жизнью, и на-звать существование самих монументов полным покоем нельзя.

Рассмотрим подробнее лишь одну частицу огромного мира памятников — памятники Николаю Васильевичу Гоголю в Москве. На их примере можно за-метить, как по-разному воспринимались в разные эпохи Гоголь и его творе-ния. Эта разница заставляла видоизменяться и развиваться монументальную гоголиану.

* * *

Памятники, связанные с именем Гоголя, устанавливались в Москве в раз-ные эпохи. Каждое изваяние на своём “монументальном” языке рассказы-вает нам о том, что думали о писателе разные поколения его читателей, какие грани его творчества и личности им были понятны.

Началась история памятников Гоголю с надгробия, установленного на его могиле в Даниловом монастыре в 1852 году. Это была надгробная плита и крест, стоящий на “голгофе”. Правда, крест, наверное, нельзя назвать па-мятником. Скорее, это был отказ от сооружения памятника на могиле знаме-нитого писателя, который хотел, чтобы там стоял только крест. Современни-ки писателя, в том числе его друзья, руководствовались, прежде всего, его Завещанием, которое было опубликовано в “Выбранных местах из переписки с друзьями”. Первая глава этой книги так и называлась: “Завещание”. Гоголь писал: “Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном”¹.

Но не только слова самого Гоголя имели значение. Видимо, многим со-временникам Николая Васильевича если не при жизни его, то вскоре после смерти стал очевиден его духовный облик как христианина. Стало понятно, что, будучи великим писателем, он себя, прежде всего, считал христиани-

¹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1952. С. 219.

ном, чьё главное дело — это “душа и прочное дело жизни”¹, а главным своим качеством он считал стремление “быть лучше, чем есть”².

Вот почему люди, понимавшие, как важен для Гоголя именно его христианский путь, поставили ему на могиле только крест. В 1831 году при ликвидации захоронений на территории Данилова монастыря прах Гоголя был перенесён на Новодевичье кладбище. А через двадцать лет, в 1951 году, на его могиле был установлен на постаменте мраморный бюст работы Н. В. Томского. Хотя эта скульптура сама по себе замечательна, но всё-таки воля писателя, весьма определенно высказанная в его Завещании, была нарушена.

Но на этом история событий, связанных с захоронением Гоголя, не закончилась. В 2009 году к 200-летию со дня рождения Гоголя на его могиле на Новодевичьем кладбище был установлен православный крест. Мраморный бюст Гоголя работы Н. В. Томского, ранее находившийся на могиле писателя, был помещён в музей Новодевичьего кладбища.

Крест на могиле Гоголя (как и тот, что стоял на его могиле в Даниловом монастыре) установлен на “голгофе”, то есть на вершине камня, напоминающего по своей форме гору. У подножия креста прикреплена табличка со словами из Нового завета — из последней главы Откровения Иоанна Богослова: “Ей, гряди, Господи Иисусе”³.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку. Но вот если посетить захоронение Гоголя зимой, или поздней осенью, или ранней весной, — словом, когда лежит снег, то можно заметить, что фамилии “Гоголь” не видно. Только если заранее знать, где именно на территории Новодевичьего кладбища находится его могила и как она в общих чертах выглядит, то тогда можно понять, что это место упокоения Гоголя, а иначе — нет.

До установки креста имя, отчество и фамилия Гоголя были написаны не только на надгробной плите, но и на постаменте, на котором был установлен бюст писателя. И если зимой надпись на надгробной плите скрывалась под снегом, то на постаменте она всегда была видна. Теперь же имя, отчество и фамилия Гоголя остались только на надгробной плите, и когда снег их скрывает, поневоле возникает впечатление безымянной (хотя и весьма солидно обустроенной) могилы, что странно, когда речь идёт о могиле Гоголя.

Но в то же время убеждаешься ещё раз в том, что не может быть всё просто и однозначно, когда речь идёт о Гоголе. По воспоминаниям одного из современников, Гоголю в Италии как-то рассказали о местном обычае хоронить “неимущих иноверцев” в чистом поле. На это он, к удивлению собеседника, воскликнул: “Значит, надо приезжать в Рим для таких похорон”⁴. Таким образом, зимой (а зима длится у нас в России чуть ли не полгода) желание Гоголя бесследно исчезнуть бременным телом с лица Земли отчасти осуществляется.

* * *

К 100-летию со дня рождения Гоголя в 1909 году был поставлен памятник ему на Пречистенском (теперь Гоголевском) бульваре. Позже его перенесли во двор дома на Никитском бульваре, где прошли последние годы жизни писателя. Памятник работы Н. А. Андреева изображает Гоголя понуро сидящим в кресле, зябко укрываясь плащом и грустно взирая на происходящее вокруг. Он кажется похожим на нахохлившегося птенца, страдающего от голода, холода и других напастей, а потому вызывающего у зрителя жалость. Этот памятник привлекает к себе внимание многих. Его даже считают лучшим памятником в Москве.

Конечно, как произведение искусства эта скульптура весьма совершенна. Поэтому она вызывает необыкновенное сочувствие к Гоголю, так убедительно он показан глубоко несчастным, одиноким и обессиленным.

Однако Гоголь, в сущности, таким не был. Хотя бы потому, что был ещё при жизни избалован вниманием близких людей, а главное — его вера не могла позволить ему быть таким.

Почему же именно такой памятник Гоголю был установлен в начале про-

¹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1952. С. 299.

² Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. XII. М., 1952. С. 271.

³ Отк. 22: 20.

⁴ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 88.

шлого века? Можно было бы объяснить это декадентскими настроениями. Но и в то время было заметно это несходство памятника с Гоголем в чём-то весьма существенном. У произведения Андреева были как поклонники, так и противники. Один из современников в 1909 году писал:

“Едва ли можно оспаривать, что, открывая в Москве памятник, все присутствующие мысленно видели перед собою и чувствовали Гоголя как творца “Вечеров на хуторе”, “Ревизора”, “Мёртвых душ”; Гоголя времени полного расцвета его творчества, и таким он останется в нашем представлении, куда память о нём будет жива... Но таков ли он явился из-под резца скульптора?... Смотря на голову писателя на московском памятнике и на всю его приникнутую фигуру, кажется, что видим Гоголя, отрекающегося от своих творений, Гоголя, сжигающего “Мёртвые души”, но не видим творца — художника, обладателя всемогущего смеха; этих черт в типе, созданном скульптором Андреевым, мы не чувствуем совсем”¹.

Почему же этот печальный Гоголь так полюбился многим поколениям его поклонников? Видимо, его почему-то хотят видеть именно таким: грустным, бессильным и даже болезненным. Сейчас можно даже ещё точнее и определённое сформулировать ту отрицательную черту, которая присутствует во внешне прекрасном монументе и которая отмечалась современниками, присутствовавшими на его открытии.

В памятнике отражена одна (только одна) грань личности Гоголя: способность его иногда приходиться в мрачное и тоскливое настроение, то ли под влиянием депрессии, то ли вследствие необыкновенно тонкой организации психики, то ли из-за диссонанса с окружающей действительностью. Только одна эта грань ещё не объясняет ни сложной природы Гоголя, ни его столь многогранного творчества. Но зато так просто свести к болезненной мрачности Гоголя (каким он предстаёт в этом скульптурном портрете) всё то, что читатели не смогли понять ни в нём самом, ни в его произведениях. И этот памятник как бы увековечивает эту ситуацию: с одной стороны — навсегда унылый и вызывающий сочувствие Гоголь, с другой — навсегда не понимающий его, но сочувствующий ему читатель. Это очень удобно для читателей, многие из которых долгое время не понимали, да и не желали понимать Гоголя — автора “Выбранных мест из переписки с друзьями”. Удобно, потому что не надо стараться понять, не надо делать усилий — можно ограничиться сочувствием ему и любованием эстетически прекрасным изваянием.

Отчасти этот памятник даже опровергает сам себя. На постаменте изображены герои “Ревизора”, “Тараса Бульба”, “Вечеров на хуторе близ Диканьки”. Они напоминают нам о том великолепном художественном мире, который создан Гоголем в его живых и ярких произведениях, до сих пор не потерявших своей значимости. Какие же надо иметь колоссальные силы, чтобы создать эти вечно живые творения, какую энергию надо в себе нести, чтобы придать написанным словам столько жизни и совершенства. Всему этому явно противоречит вид унылого болезненного человека, возвышающегося на постаменте. Бывая, действительно, иногда унылым и болезненным, как и все мы, Гоголь всё-таки не благодаря, а вопреки этому стал одной из вершин русской литературы. Памятник об этом ничего не говорит зрителю. Как представляется, было весьма уместно и закономерно, что с Гоголевского бульвара он переместился во двор дома на Никитском бульваре и не остался единственным в Москве памятником Гоголю.

* * *

Установленный к 100-летию со дня смерти Гоголя в 1952 году новый памятник писателю на Гоголевском бульваре (работы Н. В. Томского) несет на себе надпись: “Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от правительства Советского Союза”. И, на первый взгляд, он с эстетической точки зрения неинтересен. Монументальная фигура писателя — само воплощенное спокойствие, носитель величия и гармонии со всем окружающим миром. Величественно смотрится и шинель, свободные формы которой чем-то напоминают одежды библейских персонажей. Гоголь просто и в то же время многозначительно держит в руке книгу, и создается такое впечатление,

¹ А. Орешников. Полтавская медаль и плакета Гоголя. М., 1909. С. 9.

что сейчас он прочтает нам всем вслух что-нибудь из этой книги, что-то очень важное, может быть, открывшуюся ему Истину.

Изваяние это – незамысловатое, особенной художественной искусности в нём нет. Что имели в виду правительство и автор памятника, преподнося населению города такой скульптурный портрет Гоголя, – об этом можно только догадываться. Может быть, они просто хотели представить писателя в более оптимистическом и благополучном виде, чтобы его скульптурное изображение не навесало грустных мыслей. Да и вообще, монументальность была в стиле той эпохи. Но это теперь не важно.

Что бы ни имелось тогда в виду, но практически в этом памятнике (при всей его простоте и незамысловатости) удалось передать сущность такого Гоголя. Именно сущность, а не внешнее впечатление о нём.

Потому что, по существу, Гоголь вот таким и был: человеком, сильным духом, внутренне благополучным и гармоничным, в том числе благодаря своей религиозности, благодаря вере. Даже то, что может показаться, на поверхностный взгляд, драмой или трагедией “позднего” Гоголя, – это не признак болезненности и слабости, а признак крепнущей веры. Только такой человек, каким бы он при этом ни казался внешне, мог сделать всё то, что сделал Гоголь для русской культуры.

Именно этот монумент напоминает об известных словах Гоголя из “Мёртвых душ”:

“Русь! ... Зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И ещё полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжёлое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор?”¹

Таким образом, преподнесшие народу этот памятник его автор и правительство, может быть, сами того не подозревая, весьма точно выразили в нём сущность такого явления, как Гоголь, которую читателям, наверное, и ещё предстоит открывать для себя. А внутренней силе и способности расти над собой у него действительно можно поучиться.

Долго этот монумент стоял в одиночестве на Гоголевском бульваре, пока не возникла идея расположить здесь памятник Шолохову. Немало спорили о том, уместно ли ему здесь быть, и, в конце концов, в 2007 году установили.

Хотя, как нам кажется, два монумента на одном бульваре – это слишком много, но в данном случае такое соседство вызывает некоторые особенные ассоциации. Дело в том, что посвящённый Шолохову памятник включает не только собственно его скульптурный портрет, но и расположенную рядом с ним композицию, изображающую коней, с трудом выплывающих в бурных волнах. Мне кажется, поклонникам творчества Гоголя при взгляде на этих коней здесь, на Гоголевском бульваре, неподалёку от его памятника, не может не вспомниться главный художественный образ, созданный Гоголем, один из немногих положительных образов в его творчестве – птица-тройка.

Для Гоголя, бывшего путешественником по натуре и много лет проведшего в странствиях, дорога была и источником вдохновения, и лекарством, и даже образом жизни. “Боже! как ты хороша подчас, далёкая, далёкая дорога! Сколь-ко раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала!”² – восклицал он в поэме “Мёртвые души”.

Летающие вихрем кони, позволяющие и седокам тоже лететь вместе с ними, – это образ, авторская любовь к которому видна, наверное, каждому читателю: “Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит... Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?...”³

Ни один из московских памятников Гоголю не передаёт этой особенности его личности – привязанности к дороге, к движению, к непрерывному развитию, не терпящему даже самой краткой остановки. И вот появление по соседству с Гоголем, вернее, с его памятником, скульптурного образа, напоминающего о летающей птице-тройке, наводит на размышления – не такие, правда, оптимистические, как описание её в “Мёртвых душах”. Ведь в этом памятнике “чудо-кони” не летят, а еле-еле выплывают, и неизвестно ещё, выплывут ли. В отношении этой скульптурной картины вспоминаются другие известные гоголевские слова, перефразируя которые можно сказать: редкая птица-тройка доплывет до середины...

¹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1951. С. 221.

² Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1951. С. 222.

³ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1951. С. 246.